

Средне-Азиатский Комитет по делам музеев и охране памятников
старины, искусства и природы (Средазкомстарис).

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ ПО САМАРКАНДУ.

М. Е. МАССОН.

СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ ТИМУРА,

ИЗВЕСТНАЯ ПОД ИМЕНЕМ МЕЧЕТИ

БИБИ-ХАНЫМ.

904:72
М 325

Портал главного здания памятника.

ТАШКЕНТ
1 9 2 6

Средне-Азиатский Комитет по делам музеев и охране
памятников старины, искусства и природы.

Культурно-исторические экскурсии по Самарканду.

М. Е. Массон.

Выпуск I.

СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ ТИМУРА,

ИЗВЕСТНАЯ ПОД ИМЕНЕМ

МЕЧЕТИ БИБИ-ХАНЫМ.

Ташкент

1926.

Печатается по протокольному постановлению Сред-
азкомстариса от 10 мая 1926 г. за № 16.

Председатель комитета *Д. И. Нечкин.*

Ученый секретарь *Мих. Гаврилов.*

П р е д с л о в и е.

Исторические памятники Самарканда,—древнего культурного центра мусульманской Средней Азии, ныне столица Узбекистана,—составляют, по выражению некоторых исследователей, „гордость Туркестана“. Из года в год растет интерес к памятникам прошлого этого города и соответственно с этим ежегодно увеличивается число экскурсий и отдельных туристов, местных и приезжих, посещающих г. Самарканд. Большинство экскурсий и туристов, предоставленные самим себе, в лучшем случае руководствуются сомнительного качества брошюрами о Самарканде и его памятниках, выпущенными с чисто коммерческими целями малодобросовестными частными предпринимателями. Чаще всего экскурсии и туристы попадают в руки базарных невежественных туземных проводников, сообщающих для возбуждения интереса заведомо неверные сведения о прошлом гор. Самарканда и его исторических памятниках.

Средазкомстарис, на обязанности которого лежит охрана и изучение памятников старины и искусства, весьма заинтересованный в правильной постановке популяризации знаний о памятниках прошлого Средней Азии, решил, путем издания небольших популярных брошюр, начать такое ознакомление с отдельными наиболее важными памятниками древности.

В первую очередь Комитет предполагает издать работу сотрудника Средазкомстариса М. Е. Массона „Культурно-исторические экскурсии по Самарканду“, состоящую из 7-ми отдельных выпусков, посвященную следующим памятникам: 1.—Соборная мечеть Тимура, так наз. „Биби-Ханым“; 2.—Мавзолей Гур-Эмир; 3.—„Шах-Зинде“; 4.—Обсерватория Улуг-Бека; 5.—Ригистан (площадь и 3 медресе); 6.—Афрасиаб (гор. Самарканд до XIII века вкл.) и 7.—старый город Самарканд с монгольского завоевания до наших дней.

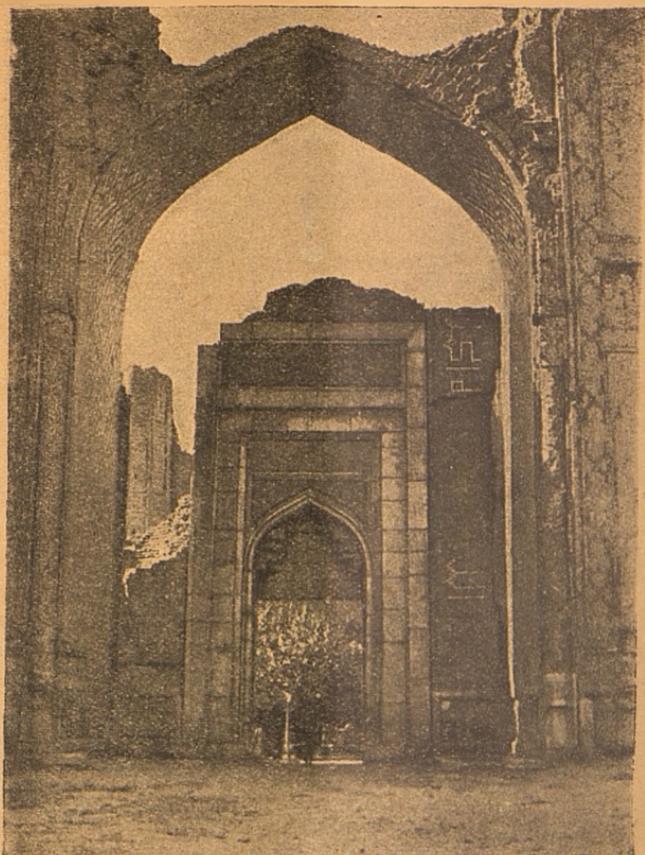
Каждый выпуск размером от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ листов будет иллюстрирован фотографиями (от 2 до 4) и небольшим планом или картой.

Первый выпуск, предлагаемый вниманию читателей, посвящен самой грандиозной постройке Тимура в Самарканде, соборной мечети, известной под именем „Биби-Ханым“.

Заведывающий Секцией охраны памятников старины и искусства
Средазкомстариса Умняков.

17 мая 1926 г.
г. Ташкент.

Деталь портала главного входа.
Щековая стена, выложенная мрамором, рухнула при землетрясении 5 октября 1897 г.

СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ ТИМУРА,

ИЗВЕСТНАЯ ТЕПЕРЬ ПОД ИМЕНЕМ МЕЧЕТИ БИБИ-ХАНЫМ.

«Ее купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением; единственной была бы арка, когда бы млечный путь не оказался ей парой».

Из описания мечети в истории Тимура «Книга побед» Шериф-ед-дина.

История постройки.

Весной 1399 года Самарканд готовился к встрече Тимура, возвращавшегося из победоносного похода на Индию. Двор, царицы и царевичи выехали навстречу и на берегу Аму-дарьи принесли свои поздравления «обладателю счастливой звезды» по случаю блестящего завершения его последнего смелого предприятия. Ни одну только славу воинских подвигов, добытую на бранном поле и под стенами блестящей столицы северной Индии — Дели, стяжала себе и полководцу армия великого эмира. Ее огромный обоз двигался к долине Заравшана, отягченный безмерной добычей; вереницей тянулись новые толпы рабов, а оставленные на пройденном пути груды развалин языческих храмов, разрушенных во имя единого бога, должны были в глазах всего мира оправдать поход, сообщив его идее и религиозный характер «войны за веру».

Торжественно вступая в Самарканд 29-го апреля (21-го ша'бана), Тимур имел намерение осуществить еще новое крупное богоугодное дело, соорудив, как бы в ознаменование похода, в своей столице большую соборную мечеть¹⁾. А уже в воскресенье 11-го мая (4 рамазана) того же года, «когда луна,

¹⁾ Мечети бывают трех родов: «обыкновенные» — в которых моления совершаются ежедневно; «соборные» — где, кроме ежедневных, происходят по пятницам многолюдные моления; и «намаз-гох». Последние имеются только в больших городах, обычно пустуют, но зато наполняются массой молящихся даже из окрестностей в два годовые мусульманские праздника, когда только там и совершаются моления.

бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника солнца и соединилась с шестиугольником планеты Венера», в час, признанный по наблюдениям за созвездиями счастливым, искусные архитектора и сильные в познаниях мастера заложили основание постройки.

Быстро и широко развернулись работы. К участию в них были привлечены разноплеменные артели мастеров и художников из Индии, Азербейджана, Персии и иных мест, не всегда по собственной воле оказавшихся и проживавших в столице Тимура. Сотни различных ремесленников работали на месте, где должна была гордо вознестись к небу свой величественный бирюзовый купол соборная мечеть. Сотни каменотесов трудились далеко за несколько миль от города, в горах Заравшана, выламывая каменные глыбы. И в те дни ведущая на Пенджикент дорога была оживлена необычным движением массы людей и 95 дсшедших из Индии слонов, занятых тяжелой доставкой в долину к месту работ огромных камней²⁾.

Надзор за постройкой был возложен на царевичей и эмиров, которые, угадывая нетерпеливое желание своего повелителя видеть скорее мечеть оконченной, прилагали к тому все старание и усердие. Сам Тимур часто лично присутствовал на работах, и даже отправление государственных обязанностей в это время происходило поблизости в медресе Ханым и в ханаке Туман-ака. Но прошло едва несколько месяцев, как положение дел на западной границе империи заставило Тимура снова оставить Самарканд, выступив в свой самый продолжительный поход, окончившийся победами над султанами Египта и турок османов. Здание мечети было построено и отделано в его отсутствие, и на помещавшейся над аркой щековой стены входного портала большой каменной плите была высечена надпись, гласившая, что эта мечеть окончена в 806 году хиджры (=1403—4 г. нашей эры) великим султаном Тимуром Гураганом³⁾.

²⁾ В верхнем течении Заравшана, на его правом берегу, в версте ниже селения Миндана Афтобруинской волости, на склоне лежат три каменные цилиндрические колонны из желтого песчаника, а четвертая стоит в мечети кишлака, и с нее возглашается призыв на молитву. Неподдалеку находится большая расколотая каменная чаша. Очень вероятно, что где-нибудь поблизости находились и каменоломни, откуда брался камень для постройки соборной мечети. Каменный материал для нее требовался в очень большом количестве и шел не только для облицовочных украшений, но из него изготовлялись некоторые архитектурные отдельные части (колонны, консоли, части портала) и, как явствует из слов историка XV века Хафизы Абру, им были выложены двор и крыша всего здания.

³⁾ На плите приведена, между прочим, и родословная Тимура до 6-го поколения, несхожая с таковой же на нефритовом надгробии в мавзолее Гур-эмир.

В мухарреме 807 года (июль-август 1404 г.) грозный эмир вновь вступал в свою столицу. Неблагоприятное впечатление произвел на него слишком низкий портал входных ворот, не соответствовавший своими размерами идее мощности и величия строителя, каковую должна была воплощать в себе мечеть. За это упущение был привлечен к ответственности один из двух министров, управлявших государством в отсутствии Тимура—Ходжа Махмуд Давуд. Он и его товарищ Мухаммад Джельд были обвинены в лихоимстве и повешены за Сиабом у подножья Чупан-Ата. Портал был обречен на слом. Для ускорения перед ним были вырыты две ямы, и в них приступили прямо к разборке каменной кладки фундамента с тем, чтобы потерявшие равновесие громады устоев, рухнув, сами рассыпались бы на мелкие части. Каждый день на место работ приносили на носилках 70-ти летнего Тимура, из-за болезни немощного ни двигаться пешком, ни ехать верхом. Эмир оставался там большую часть дня, торопя и понукая рабочих. Для их возбуждения он приказывал бросать в ямы вареное мясо и деньги, иногда даже делая это собственными руками. День и ночь на мечети шли работы, остановленные только в конце ноября из-за выпавшего снега и наступления холодов. А через три месяца во время похода на Китай последовала кончина грозного эмира, которого смерть уносила почти накануне окончательного завершения целого ряда наиболее грандиозных из его сооружений⁴⁾.

Описание мечети в первые годы после постройки.

В том числе была и соборная мечеть Самарканда—самое крупное сооружение этого рода зданий во всей Средней Азии. Занимаемая ею площадь в плане представляет прямоугольник (83 м. × 62 м.) вытянутый в направлении с СВВ на ЮЗЗ, что строго определено, как и у всех мечетей мусульманского мира, ориентировкой на Ка'бу в Мекке. Во всех четырех углах этого прямоугольника высилось по стройному минарету. От них отходили на каменном цоколе украшенные снаружи изразцами, высокие и, должно быть, глухие стены, которые прерывались почти на середине двух продольных сторон задними фасадами боковых купольных сооружений, с западной стороны сливались с наружной стеной главного здания мечети, а с восточной упирались в величественный портал парадного входа. Два крупных минарета примыкали к наружным углам его мощных устоев, соединенных высокой стрельчатой аркой. Под ней, словно в богатой раме из мрамора, были навешены

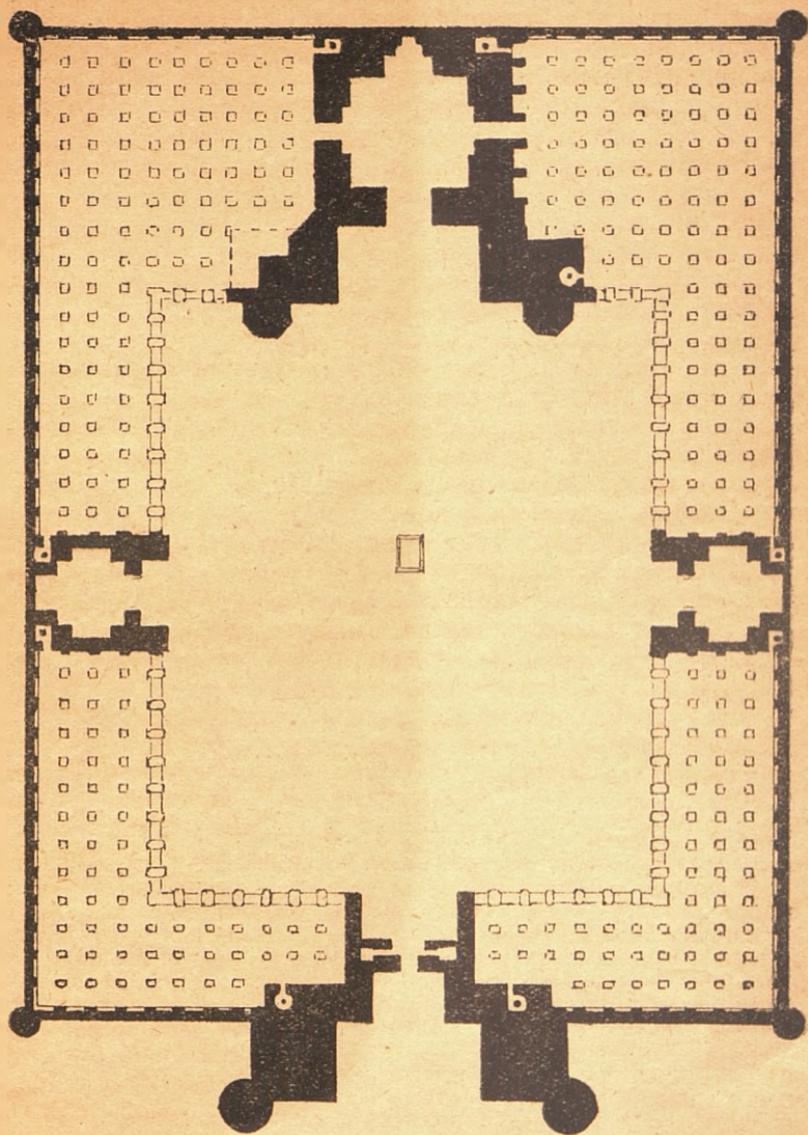
⁴⁾ К моменту смерти Тимура не были еще окончены постройкой дворец в Кеше (Шахрисябзе), мечеть над могилой Ахмеда Ясеви в городе Ясы (Туркестане) и, повидимому, мавзолее Гур-эмир в Самарканде.

ворот, вылитые из сплава семи металлов, в который входили и золото и серебро. Когда их раскрывали, и створки, приходя в движение, начинали колебаться, то издававшийся при этом явственный звук, по образному выражению историка, словно призывал молящихся семи климатов в дом ислама.

Переступая порог и пройдя несколько шагов по площадке, перекрытой также аркой, посетитель попадал на обширный, продолговатый, мощный известняком двор. В середине его для исполнения предписываемого кораном обряда омовения перед совершением намаза был устроен колодец, перекрытый большой мраморной плитой⁵⁾. А вокруг вдоль стен целый лес колонн крытых галлерей напоминал собой прототип первых мечетей ислама, когда они, по внешности походя больше на двор христианских храмов с водоемом посередине и с портиком по сторонам, служили не только для отправления молитвы, но и местом собрания, где решались общественные дела. В Самаркандской мечети около четырехсот каменных, цилиндрических, соединенных арками колонн⁶⁾, поддерживали потолочное перекрытие поместительных галлерей, давая тысячам молящихся приют под своей сенью от палящих лучей летнего солнца и от непогоды холодных времен года. Этому же могли служить боковые купольные помещения, поставленные на середине продольных сторон двора, повидимому, из чисто архитектурных соображений для удовлетворения требований стиля эпохи. У стороны, обращенной к Мекке,

⁵⁾ Плита эта была впоследствии сдвинута и лежит теперь между главным зданием и северным боковым помещением. Кроме того, под порталной аркой главного здания есть еще два куска как бы каменного корыта, которое, возможно, тоже служило для омовений.

⁶⁾ Шереф-ед-дин говорит, что было четыреста восемьдесят столбов из тесаного камня, длиною приблизительно по 7 метров (7 гязов). Хафизи Аbru упоминает о 400 мраморных цельных колоннах, высотой около 10 метров каждая. Щербина Крамаренко, обнаруживший после раскопок на дворе мечети местонахождение угловых минаретов и подушек, на которых были поставлены колонны, и составивший на основании полученных данных реставрированный план всей мечети, полагал, что колонн было значительно меньше (на его плане указано 338 колонн). На дворе мечети уцелело несколько цилиндрических колонн из песчаника почти в половину меньших размеров, чем указано у Шереф-ед-дина. В теле зданий кое-где сохранились следы консолей, на которые упирались арки. Судя по ним, можно предположить, что семи гязам равнялась высота от полу до замков арок, покоившихся на этих колоннах, а десяти гязам—общая высота аркады до крыши. У северного бокового помещения лежит одна мраморная колонна такой же приблизительно высоты, что и остальные, но с шаровым базисом, граненная и заканчивающаяся расширяющимся кверху граненым же раструбом. Возможно, что почти гладкие, лишь с одним высеченным скромным пояском божественного текста колонны из песчаника были размещены внутри аркады, а наружный ряд колонн, выходящих на двор, был из мрамора.

Пробная реставрация первоначального плана мечети.

куда всего более устремлялись толпы усердных прихожан, глубина галлерей, везде имевшая аркаду в 4 ряда, увеличена более чем вдвое и поведена до 9 рядов. Здесь они обнимали с двух сторон главное здание мечети. Его портал столь же величественный, как и у парадного входа, отличался от последнего главным образом стоящими на углах восьмигранными, утончающимися кверху минаретами⁷⁾. Громадная арка высоко вздымала фронтон портала, и тот совершенно скрывал собою с переднего фасада огромный купол⁸⁾ над центральным почти квадратным помещением главного здания. Подобно тому, как над могилой Тимура, здесь было выведено два купола: наружный—поставленный на высоком барабане, облицованный голубыми изразцами, словно подражающими чистой лазури Туркестанского неба, и внутренний—выведенный на угловых арочных парусах, покрытых, как и поддерживаемый ими купол, крупным узором из бумажных пальметок. Ниже на стенах клеевыми красками были нанесены орнаменты и священные тексты различных сур (глав) корана. В задней стене ниша, указывающая направление на Ка'бу (кыбла)⁹⁾ и именуемая «михраб», была отделана железом. Рядом возвышался «отличавшийся особенной красотой украшений» минбар. Первоначально так называлось небольшое, легко переносимое с места на место деревянное седалище Мухаммеда, на которое поднимались по двум ступеням. На нем восседал пророк, когда председательствовал на собрании верующих. Много лет спустя минбар превратился в кафедру Имама и в Самаркандской соборной мечети представлял, вероятно, высокую ступенчатую эстраду, с которой проповедывалось «слово божье». Подле стоял прислоненным жезл или посох (оса), внешний атрибут духовной власти, также ведущий свое начало от времени пророка. Несколько священных рукописных книг лежало неподалеку на небольших пюпитрах, а над головами высоко с купола спускались люстры и лампы. Это все, что допускал ислам во внутреннем убранстве «места поклонения» богу, что собственно и значит слово мечеть.

7) Высота южного минарета в современном состоянии, когда он уже лишился верхних частей, равна приблизительно 35 метрам.

8) Это явление, имеющее место и на других мечетях, привело некоторых исследователей к заключению, что в них купол является позднейшим добавлением, и что первоначально он был предназначен для мавзолеев.

9) Обращение при молитве лицом к Ка'бе было установлено Мухаммедом после переселения его из Мекки в Медину. Как выяснено В. Бартольдом, до того кыбла была обращена на восток. Соответственно на восток по образцу христианских храмов были ориентированы и первые две мусульманские мечети—селения Куба и Медины.

Там снаружи, блистая стекловидной поверхностью голубых, синих и белых изразцов, гигантское пышное здание точно бросало сегодняшнему миру со своих минаретов гордый возглас: «По истине дела наши указывают на нас», как передал свои ощущения автор истории Тимура. Шум многолюдной столицы проникал через высокие стены на обширный двор мечети, а в дни пятничных общественных молитв непрестанно врывался сквозь широкие врата главного входа вместе с десятками тысяч благоговейно шаркающих ног и с шуршанием раскладывавшихся бесчисленных подстилок для совершения намаза. И только здесь, внутри главного здания, всегда и во всякое время дня было равно тихо. Неслышно ступали по коврам те, кто принадлежал к причту мечети; чинно и почти также беззвучно приходили и уходили молящиеся; высокие своды всякий раз, как раздавалось негромкое и ритмичное чтение священного текста, глухо повторяли отзвуки, словно пытаюсь поглотить их, и молитвенное настроение легко нисходило само собой в этом скудно освещенном помещении, где в полупрозрачном воздухе едва ощущался высокий, высокий купол.

Последующая история здания. Все в мечети производило впечатление прочности и величия. Современникам казалось, „что до конца мира, несмотря на чередование месяцев и годов, рисунки не могут стереться, и все здание обеспечено от разрушения“. Так писал придворный историк сына Тимура Мирзы Шахруха—Хафиза Абру. Теперь же, когда чередую пронесли над лежащем ныне в руинах зданием пять с лишним столетий, с горечью приходится убеждаться, что он оказался плохим пророком. Уже в первые годы после постройки во время богослужений молившиеся со страхом прислушивались к звукам, раздававшимся иногда при падении крошавшегося перекрытия. Виною тому было, повидимому, несколько причин: и небрежность спешной работы, и недобросовестность исполнителей ¹⁰⁾, и, очень возможно, неумение архитекторов того времени справиться с грандиозными художественными замыслами Тимура, который, как известно, не только давал общие указания, но часто вмешивался во время хода работ, заставляя ломать уже отстроенные части зданий. Может быть, его вмешательству обязаны своим появлением вторые наружные стены главного помещения мечети, не несущие на себе никакой нагрузки. После неравномерной осадки, которую легко заметить по разным уровням замковых

¹⁰⁾ Случаи злостной недобросовестности производителей работ эпохи Тимура и Тимуридов установлены Самкомстарнсом на других памятниках Самарканда при историко-архитектурном исследовании их.

частей арок в окнах, несвязанные ничем стены ¹¹⁾ разошлись, и между ними образовалась щель. В ней местами видна на внутренней стене облицовка глазированными кирпичиками. Следовательно, здание было совершенно отстроено и даже облицовано, когда его нашли нужным одеть с трех сторон как бы толстостенным футляром.

Неизвестно, чтобы Тимур оставил какой-нибудь вакф для содержания своей соборной мечети. Но, несомненно, что при его преемниках проявлялись заботы о здании. Знаменитый внук великого эмира Улугбек поставил внутри главного здания огромный мраморный пюпитр ¹²⁾, о чем гласит высеченная на нем надпись ¹³⁾. Мечеть была полна молящимися в ту достопамятную пятницу 1490 года, когда около полудня произошло страшное землетрясение, истолкованное как предзнаменование последовавшей в эту ночь кончины самого крупного выразителя религиозной реакции XV века Хаджа Ахрара ¹⁴⁾. В 1510 году в ней после смерти Шейбани хана была принесена присяга Суюнчук хану. Сюда стекались на пятничные богослужения самаркандцы во время чумы 1532—3 года (939 год хиджры). Возможно, в мечети моления совершались еще и в следующие столетия, хотя состояние здания делало присутствие на них все опаснее ¹⁵⁾. Во всяком случае, в XVII веке, когда на Регистане была задумана постройка нового медресе Тилля Кари, при составлении плана имелось в виду совместить в ней высшую духовную школу с соборной мечетью.

В 1740 году, исполняя волю персидского завоевателя Надир шаха, тот же стряп, что забирал нефритовое надгробие Тимура, нагрузил на пушечные лафеты литые ворота парад-

---

¹¹⁾ Толщина внутренних стен, поддерживающих купол, равна 2,77 м.; толщина стен наружного футляра колеблется от 2,13 м. до 3,63 м.

¹²⁾ Пюпитр состоит из большой плиты площадью 2,13 м. × 2,18 м., поднятой на 9 каменных низких столбиках; поверх ее положены два больших камня, которым придана такая форма, что между ними легко может быть помещен полураскрытый коран больших размеров.

¹³⁾ В правление Улугбека его бывшим воспитателем Алике Кукельташем была построена новая соборная мечеть, но первенство оставалось за мечетью Тимура.

¹⁴⁾ Смерть Хаджа Ахрара последовала в субботу 29-го раби ул аввала 895 года хиджры в селении Камангарон в 40 верстах на юг от Самарканда.

¹⁵⁾ Нет никаких прямых указаний на то, что за все это время производился в здании какой-нибудь ремонт. Однако, не исключена возможность его в правление Кучкунчи хана (1510—1531 год н. э.) и в 995 году хиджры (1587 г. н. э.) при Абдулла хане, когда, как известно, ремонтировались некоторые из Самаркандских памятников эпохи Тимура и Тимуридов, пришедшие в ветхость в предыдущее время.

ного входа соборной мечети и увез их в Мешхед. Осмотрев их там, Надиршах приказал тотчас везти их „от станции до станции до славного города Бухары, оттуда, согласно приказанию Абул-фейз-хана, привезти в столичный город Самарканд и поместить на своем месте так, как было раньше“.

Между тем, все разрушительней сказывались на соборной мечети столь частые в Туркестане мелкие толчки и крупные землетрясения, словно „бык, на рогах которого покоится мир, чувствовал от постройки ее огромного кирпичного тела нарушение равновесия и для восстановления его упорно тряс головой“. Впрочем, еще в 70 годах XVIII столетия мечеть не была, как будто, совершенно заброшена, так как бывший в это время в Самарканде пленный унтер-офицер Филипп Ефремов видел внутри главного здания на каменном попитре огромную раскрытую книгу—несомненно, коран. Но с развалин ее дворовой аркады по распоряжению бывшего тогда хакимом (правителем) Самарканда Шах Мурад бия уже брали кирпич для ремонта других мечетей и медресе, пришедших в разрушение за время предшествующих смут. Существует предание, что из него выведено купольное торговое помещение на Ча'р-су, и что руины мечети долгое время служили каменоломней, в которой с особого разрешения высшей власти материал брался даже на частные постройки. Как передавали Н. Ханыкову в 1841 году, эмир Хайдар (1797—1826 год н. э.) перечеканил в монету прекрасные семисплавные ворота мечети. Об этом говорили и старики старожилы в первые годы занятия Самарканда русскими, которые застали то немногое, что уцелело от мечети Тимура в страшном запустении. В боковых купольных помещениях были устроены амбары; некогда обширный двор превратился в грязную базарную площадь; хрупкие каркасные лавки прилепились со всех сторон к грозившим ежеминутными обвалами массивам порталов, а под их нависшими арками с равнодушием фатализма копошились люди, совершая торговые сделки и продолжая с добросовестностью домовитых хозяев растаскивать для своих надобностей кирпичи из нижних частей здания.

В 1875 году, когда рядом разбили новый благоустроенный базар, было обращено внимание на „очистение“ соборной мечети. Перенесли на новое место лавочки; обнесли оградой двор; каменный попитр, который мог быть поврежден обрушивающимися время от времени кусками купола, переставили на середину двора ¹⁶⁾. От этого он не потерял в глазах насе-

¹⁶⁾ После перенесения каменного попитра в народе ходила молва, характерная для настроения некоторых групп населения, с недоверием относившихся ко всяким действиям новой власти. Передавали, будто

Общий вид мечети с восточной стороны.

Мраморный пюпитр для корана.
До 1875 года стоял внутри главного здания мечети.

ления приписываемых ему свойств исцелять боли в спине, благотворно влиять на ход болезни при проказе и вызывать беременность у бесплодных женщин, стоит лишь, забравшись под его ножки, потереться спиной о верхнюю плиту и пролежать там некоторое время.

Расчищенные от окружавших построек развалины мечети Тимура стали привлекать к себе все больше и больше внимания отдельных исследователей и научных учреждений. Снято много фотографий; исполнено не мало рисунков; произведены подробные обмеры оставшихся на поверхности частей; обследована площадь двора и составлен реставрационный план памятника. Увы,—это почти все, что можно было сделать, чтобы сохранить его для последующих поколений и науки, т. к. капитальный ремонт потребовал бы слишком крупного расхода.

Остатки соборной мечети обречены на разрушение. А оно за последнее столетие идет особенно интенсивно. В 1841 г. еще были целы два минарета в углах двора; цела была и большая часть наружного купола главного здания, а во внутреннем виднелось лишь незначительное отверстие. Землетрясение 1897 года лишило мечеть значительной части отделанного мрамором портала главного входа ¹⁷⁾. Теперь к его задней стене стоит прислоненная огромная, когда то гордо высившаяся на портале каменная плита, на которой высечены имя основателя памятника и год окончания постройки. Она надолго переживет мечеть. Из года в год все глубже и глубже спускается образовавшийся сам собой в куполе главного здания клин, раскалывая толщи стен; каждый год рвет большие ключья прекрасной облицовки, а последняя величественная порталная арка вряд ли выдержит еще одно—два значительные колебания земли.

Легенда о постройке мечети. И все же руины мечети, покрытые язвами от выпавших кусков кладки и изборожденные зияющими трещинами, до последнего времени производят неотразимое впечатление мощности и величия даже на европейцев. Еще сильнее они действовали на умы и чуткое воображение коренного населения. С присущим инстинктом к изящному вымыслу народная фантазия и здесь с сооружением

русские хотели перетащить пюпитр в крепость, но что даже 10 лошадей не могли двинуть его с места. А когда после бесплодных попыток решено было поставить его посреди двора мечети—одна лошадь легко сдвинула и дотасила пюпитр до места.

¹⁷⁾ Каменные части портала сложены у внутренней стороны южного устоя главного входа. Среди них интересны куски сталактитов, на боковых сторонах которых нанесены линии предварительного разбивочного чертежа.

мечети сплела несколько красивых, дышащих неподдельной поэзией легенд, в которых строительницей его называет главную жену Тимура красавицу Биби-Ханым.

Одна из них гласит, будто Биби-Ханым была чужестранка, может быть, даже китайская принцесса, и так прекрасна собой, что только ей одной безраздельно принадлежало сердце грозного эмира. Как-то раз в отсутствии супруга, увлеченного в один из своих многолетних походов, ей пришла мысль увековечить свое имя—имя лучшей жены Тимура. Была задумана постройка огромной соборной мечети. Призванные строители и мастера колебались приступить к выполнению грандиозно спроектированного плана, требовавшего громадных средств. Тогда по распоряжению царицы им показали груды золота и драгоценностей, подарки Тимура, которые ею были предназначены на постройку. Их было столько, что всякие сомнения исчезли, и работа закипела. Под надзором талантливого молодого архитектора быстро вырастали стены; один за другим вознесли к небу главы все восемь минаретов; вот уже выведен и последний купол. Остается только одна огромная порталная арка. Чаше посещает постройку Биби-Ханым и торопит исполнителя. Но тот не спешит. Раненный в сердце красотой царицы, он знает, что не увидит больше ее, как только исполнит возложенное на него поручение. А потому все медленнее и медленнее становится темп его работы.

Тем временем Тимур шлет весть о своем скором возвращении. По мере его приближения к Самарканду у Биби-Ханым напряженнее становится ожидание окончания постройки. Дерзкий мастер прекрасно понимал нетерпение царицы и поставил условием своевременного сведения порталной арки разрешение поцеловать ее самую. Напрасно та предлагала ему поцеловать любую из своих приближенных, уверяя, что все женщины в сущности одинаковы и разнятся лишь по внешности, как окрашенные яйца. Целое блюдо их послала она архитектору с тем, чтобы он, разбив разноцветную скорлупу, убедился в непреложности этой истины. Но мастер был немолим и не шел ни на какие сделки.

А Тимур подходил уже к столице. Еще немного времени и он торжественно вступит в Самарканд. Так долго лелеянный и почти уготованный царицей своему супругу сюрприз мог не осуществиться из-за упрямства мастера. Искушение было велико. Царица не вышла из него победительницей. Она согласилась на поцелуй. Все же в тот момент, когда опьяненный страстью мастер склонился над ее лицом, она быстро прикрыла его своей ладонью. Однако поцелуй был так

Северо-западный угловой минарет.

Единственный уцелевший из четырех угловых минаретов двора. Вид до 1897 года, когда была разобрана угрожавшая падением верхняя часть его.

горяч, что жар его прошёл сквозь руку и оставил на щеке Биби Ханым пятно.

Когда Тимур, в'езжал в столицу, его восхищенным глазам представилась во всем блеске свежести изразцового покрова совершенно законченная соборная мечеть—подарок любимой жены. Но велико было смущение Биби-Ханым, когда пронизательный взор грозного эмира углядел и пятно на ее щеке.

Нетрудно было вырвать признание. Подданного, решившегося осквернить своим прикосновением царицу, ждала смерть. Всюду кинулись искать мастера. Его видели всходящим со своим учеником на минарет построенной им мечети. Бросились туда. Вбежали по безчисленным ступенькам наверх. Там сидел один ученик. „Где архитектор“, спросили его.—„Учитель сделал себе крылья и улетел в Мешхед“, ответил тот.

Исторические сведения о мнимой основательнице мечети.

История не знает имени Биби-Ханым и, свидетельствуя своими сухими фактами, нарушает всю прелесть вымышленной сказки.

Главную жену Тимура звали Сарай Мульк Ханым. Дочь монгольского туркестанского хана Казана, она была сперва женою эмира Хусейна, предшественника Тимура, то его союзника, то соперника. В 1370 году после победы над Хусейном, окончившейся смертью последнего, Тимур вместе с другой добычей достался и гарем противника. Сарай Мульк Ханым стала главной женой нового владыки и по ней он получил титул „Гураган“, что значит „ханский зять“¹⁸⁾. Детей у нее не было. Однако, она пользовалась уважением и не только благодаря своему положению старшей жены гарема, но и за личные достоинства. Недаром ей Тимур поручал воспитание некоторых из своих внуков, в которых замечал природные дарования. Ко времени постройки соборной мечети Сарай Мульк Ханым было далеко за 60 лет, т. к. она была всего на 5 лет моложе Тимура. Ей выпала тяжелая доля пережить его. В первые годы после его смерти Самаркандский престол перешел к его внуку Халиль Султану, безумно влюбленному в одну женщину низкого происхождения по прозванию Шац Мульк, от которой женам Тимура пришлось вынести не мало унижений. Многие из политических соображений по ее совету были выданы замуж за эмиров и военачальников. Ибн Арабшах

¹⁸⁾ Известно, что Тимур был незнатного происхождения. Политическая обстановка XIV века, несомненные способности и удача дали ему возможность сделаться эмиром. Звание „ханского зятя“ давало ему в глазах народа как бы некоторые преимущества и выделяло из ряда других эмиров—правителей.

приводит известие, неподтверждаемое, впрочем, другими источниками, что Сарай Мульк Ханым вместе с еще одной женой Тимура была даже отравлена новой царицей.

Народное предание указывает могилу Биби-Ханым в склепе полуразрушенного мавзолея конца XIV—XV веков, находящегося в нескольких десятках саженей к востоку от соборной мечети. Ни на надгробиях, в форме каменных ящиков, похожих на гроба, ни на самом здании нет надписей, из которых можно было бы установить, чья это усыпальница. Есть предположение, что здание могло составлять часть того медресе, построенного еще раньше Сарай Мульк Ханым, где останавливался Тимур, следя за работами соборной мечети, и которая находилась поблизости в этом районе.

